

Д. П. Святополк-Мирский. Островский.

 Мирский Д. С. Фет // Мирский Д. С. История русской литературы с древнейших времен до 1925 года / Пер. с англ. Р. Зерновой. - London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1992. - С. 355-360.

Оригинал здесь: [Фундаментальная электронная библиотека](#)

Александр Николаевич Островский родился в 1823 г. в Москве, в Замоскворечье, в сердце купеческого квартала. Его отец был чиновником, а позже - чем-то вроде адвоката, с купеческой клиентурой в том же Замоскворечье. Будущий драматург поступил в университет, но в 1843 г., после скандала с университетским начальством, ушел оттуда и поступил на службу в Торговую палату. Там он оставался до 1851 г., пока не оставил службу. Восемь лет в Торговой палате многое добавили к его жизненному, домашнему и общественному опыту пребывания в купеческой среде и очень помогли ему узнать быт. Первое его произведение было опубликовано в 1847 г. Это был отрывок из комедии **Банкрот**, которую он в 1849 г. закончил. Пьеса эта, которую он читал во многих московских домах, произвела огромное впечатление. С тех пор Островский стал центром кружка молодых людей, которые были влюблены в русский национальный характер и в разгульный образ жизни. Этот разгул погубил Григорьева и других не столь крепких людей, но основной чертой Островского был могучий здравый смысл, который помог ему остаться уравновешенным, много работающим человеком, каким он и был по натуре.

Первой его пьесой, представленной на сцене, была **Бедная невеста**; это произошло в 1853 г. После этого и до самой смерти Островского (в 1886 г.) не проходило года, чтобы на сценах императорских театров не появилась его новая пьеса. Апогей популярности Островского, как и Тургенева, Гончарова и Писемского, - 1856 -1860 гг. После этой даты популярность Островского, хотя и не снижалась, но перестала расти, и критика и публика стали утверждать, что ранние его пьесы лучше новых. Личная жизнь его проходила без особых событий, ибо всю свою энергию он отдавал театру. В 1885 г. Островский был назначен содиректором Московских императорских театров и директором состоявшего при них театрального училища. Умер он в следующем, 1886 году.

За время с 1847 по 1886 гг. Островский написал около сорока пьес в прозе и еще восемь белым стихом (*Среди прочего, он перевел **Укрощение строптивой** и интермедии Сервантеса*). Они все разного достоинства, но в целом несомненно представляют самое замечательное собрание драматических сочинений, какое есть на русском языке. Грибоедов и Гоголь писали великие и вполне оригинальные пьесы, и каждый из них гений, превосходящий Островского, но именно Островскому суждено было создать русскую драматическую школу, русский театр, достойный стать рядом с национальными театрами Запада, если не как равный, то как сравнимый с ними. Ограниченность искусства Островского очевидна. Его пьесы (за малым исключением) - не трагедии и не комедии, но принадлежат к среднему, ублюдочному жанру драмы. Драматический план большинства из них, принесенный в жертву методу "срезов жизни", лишен твердой последовательности классического искусства. За малым исключением, в его драмах нет поэзии, и даже там, где она присутствует, как в **Грозе**, это поэзия атмосферы, а не слов и фактуры. Островский, хоть и изумительный мастер типичного и индивидуализированного диалога, не является мастером языка, в том смысле, в каком ими были Гоголь, Лесков или, чтобы привести английский пример, - Синг. Язык его чисто репрезентативен; он пользуется им в соответствии с правдой, но не творчески. В некотором смысле даже самая его укорененность в русской почве есть ограниченность, потому что его пьесы всегда узко местные и не имеют всечеловеческой значимости. Если бы не эта ограниченность, если бы он был всечеловечен, оставаясь национальным, его место было бы среди величайших драматургов. Широта, охват, разнообразие его видения русской жизни почти беспредельны. Он наименее субъективный из русских писателей. Для психоаналитика это был бы совершенно безнадежный случай. Его персонажи ни в коей мере не являются эманацией автора. Это подлинные отражения "других". Он не психолог, и его персонажи - не толстовские, в чей внутренний мир нас вводит могучая сила авторской интуиции, - они просто люди, какими их видят другие люди. Но этот поверхностный реализм - не